

Коллективная память — одна из опор ЕС?

К концу XX века и особенно в первой декаде нового столетия многие устои европейского консенсуса о прошлом зашатались | **АЛЕКСЕЙ МИЛЛЕР**

Вскоре после включения в 2004 году стран Центральной Европы в ЕС редакция одного немецкого журнала попросила меня ответить на вопрос о том, могут ли общее культурное наследие и коллективная память стать основой консолидации расширившегося Европейского сообщества. Посмотрев затем результаты этой анкеты в журнале, я обнаружил, что был единственным, кто высказался на этот счет отрицательно. Вряд ли сегодня я был бы так одинок в своем скептицизме. Среди других элементов ЕС, по которым прошли очевидные трещины, оказался и выглядевший на первый взгляд довольно основательным консенсус в отношении истории.

Прежний консенсус в отношении к прошлому окончательно сложился в ЕС в 1960–1970 годы. Ключевым его элементом была память о Холокосте и нацизме. Представление о ЕС как о пути преодоления недавнего прошлого Европы, ставшей в первой половине XX века колыбелью двух мировых войн, и способе утвердить демократию как ключевую ценность, предохраняющую от тоталитаризма, милитаризма, расизма, дискриминации, социальной маргинализации и других социальных и политических недугов, выглядело вполне прочным и политически эффективным. В соответствии с этой кон-

цепцией ФРГ, изначально игравшая одну из ключевых ролей в ЕС наряду с Францией, калялась за нацизм и Холокост, примирялась со своими послевоенными границами на востоке, гордилась «конституционным патриотизмом» и успехами в экономическом развитии.

Важной частью этого культурно-исторического консенсуса была постхристианская составляющая. Причем акцент в этой формуле делался скорее на первой ее части, то есть христианское наследие рассматривалось как часть светского культурного комплекса, что хорошо сочеталось с набиравшей популярность концепцией мультикультурализма.

До конца 1970-х партнеры Западной Германии по ЕС культивировали, по большей части, лишь гордость антифашистским сопротивлением. Затем, постепенно, этот нарратив был дополнен дозированными расчетами с коллаборационистской частью собственной истории, в том числе и осознанием участия граждан собственной страны в Холокосте. Франция, например, начала всерьез «осваивать» историю французского коллаборационизма, в том числе историю марионеточного государства Виши, лишь в 1980–1990 годы, во многом откликаясь на вызовы, сформулированные нефранцузскими историками в 1970-е. Ответственность

Франции за депортации евреев из Виши президент Жак Ширак публично признал лишь в 1995 году, в речи на велодроме Валь Д'Ивер, где собирали французских евреев перед отправкой на восток ¹.

Вступление в ЕС Греции (1981), Испании (1985), Португалии (1986), Австрии (1995) не представляло большого вызова для сложившегося консенсуса об истории. Первые три новичка, присоединяясь к Евросоюзу, осуждали свое авторитарное послевоенное прошлое. Конечно, и режим Салазара в Португалии, и диктатура Франко в Испании, и режим «черных полковников» в Греции были далеко не столь кровавы и преступны, как нацистский режим в Германии, так что некоторая сдержанность расчетов с прошлым в этих случаях была приемлема. Австрия в 1980-е годы наконец отказалась от фарисейской роли безусловной жертвы Третьего рейха и провела серьезное обсуждение своей вовлеченности в нацизм. Впрочем, глубина и последовательность в «проработке прошлого» в Австрии имела мало общего с немецким опытом: в существенной мере это было приспособление к внешним требованиям, характерное для Германии 1950-х, а не подлинное усвоение критического взгляда на прошлое, возобладавшее в Германии в 1960–1970 годы. Светская, постхристианская составляющая европейского консенсуса тоже не была поколеблена присоединением новых стран, хотя в них позиции церкви были заметно сильнее, чем в протестантской Европе и во Франции.

Антисоветские и антикоммунистические мотивы в этой структуре взглядов и ценностей, безусловно, присутствовали, но не слишком акцентировались, тем более в условиях разрядки и Хельсинкского процесса, начатого в 1970-е. Последнее вполне устраивало европейских левых, в особенности достаточно популярных во Франции и Италии коммунистов. Только в 1980-е годы,

уже в период кризиса советского блока, в рамках дискурса о Центральной Европе как той части Европы, которая была, по образному выражению Милана Кундеры, «похищена» Советами, тема России как конституирующего Другого европейской идентичности вновь получила свое развитие ². Однако тогда же, в начале 1980-х, попытка Эрнста Нольте и некоторых других немецких историков представить нацизм как следствие большевистской угрозы, а нацистские лагеря как заимствование советского опыта, встретила весьма жесткий отпор в самой Германии в рамках знаменитого «спора историков» (*Historikerstreit*) ³. Представление о раскладе «добра и зла» во Второй мировой войне на тот момент еще не подлежало ревизии.

Тем не менее к концу XX века и особенно в первой декаде нового столетия многие устои европейского консенсуса о прошлом зашатались.

«Немецкий вопрос»

Объединение Германии никогда не было популярной идеей у французских и британских политиков. Смирившись с фактом в 1989 году, многие в Европе надеялись, что новый колосс в центре континента будет занят обустройством дел в собственном резко увеличившемся доме и не отступит от прежней политической линии в европейских делах. Германия во многом оправдала эти надежды. Однако уже в 1990-е стали намечаться некоторые новые мотивы в немецкой трактовке прошлого. Ряд выдающихся немецких писателей (среди них Мартин Вальзер, Гюнтер Грасс) восстали против жесткой немецкой автоцензуры и тех правил немецкой политической корректности, которые были важной (и удобной для большинства партнеров Германии) основой европейского консенсуса. В 1988 году, в 50-ю годовщину Хрустальной ночи, председатель западногерманского бундестага Филипп Йеннинггер

в своей речи заговорил и о страданиях немцев в нацистский период, не сказав, как показалось некоторым присутствующим, достаточно о вине немцев. Это привело к его немедленной отставке. Ровно через 10 лет, в 1998-м, получая Премию мира немецкой книготорговли, Мартин Вальзер говорил о том, что немецкий «позор используется в целях, не имеющих никакого отношения к прошлому», предлагал меньше заниматься «ритуализацией» общественной памяти и разбираться с национал-социализмом на

рах партии братьев Качиньских в 2005-м, между Варшавой и Берлином разгорелась настоящая «война памяти». Президент Лех Качиньский не стеснялся требовать от Ангелы Меркель уступить Польше часть мест в Европарламенте за счет немецкой квоты, ссылаясь на демографические потери Польши во Второй мировой войне. Агитируя против Лиссабонского договора накануне его подписания в 2007 году, Лех Качиньский пугал поляков тем, что этот договор откроет Германии путь к пересмотру ее восточных

“К концу 1990-х многие в Германии уже отказывались признавать табу на разговоры о немецких страданиях и жертвах”.

уровне индивидуальной совести. Его речи аплодировали. Конечно, ни Йеннинггер, ни Вальзер не оправдывали нацизм и не снимали с немцев исторической ответственности. Но к концу 1990-х многие в Германии уже отказывались признавать табу на разговоры о немецких страданиях и жертвах. Также был поколеблен запрет на обсуждение темы использования исторической памяти для сохранения в силе знаменитой формулы, которой многие объясняли смысл НАТО и всего послевоенного устройства некоммунистической Европы: “*Keep Americans in, Russians out, and Germans down*”. Соседи Германии далеко не всегда относятся к этим переменам с пониманием, скорее они вызывают беспокойство.

Пока Польша вместе с коллегами по Вышеградской группе дожидалась в прихожей ЕС, а Германия выступала главным адвокатом скорейшего расширения Европейского союза на восток, реакция поляков на новые тенденции в германском дискурсе о прошлом напоминала приглушенное ворчание. Однако вскоре после вступления в ЕС в 2004 году, а особенно после победы на выбо-

раниц. Особенно ожесточенной была польско-немецкая перепалка по поводу музея изгнаний, за создание которого особенно активно агитировала Эрика Штайнбах, лидер немецкого «Союза изгнанных»⁴. Польские журналисты не стеснялись высказывать предположение, что родившуюся в 1942-м в семье офицера вермахта Штайнбах купали с мылом, изготовленным из узников концлагерей. Для Польши тема немецких изгнанников особенно остра, потому что после войны страну, по решению Сталина и с согласия остальных участников «большой тройки», «подвинули» на несколько сот километров на запад. Впрочем, и для чехов тема тоже небезопасна, поскольку декретами президента Эдварда Бенеша от 2 августа и 25 октября 1945 года немцы и венгры были лишены чехословацкого гражданства и их собственность была конфискована. Накануне вступления Чехии в ЕС в Австрии и Германии раздавались отдельные голоса в пользу того, чтобы сделать отмену декретов условием членства, но декреты не отменены до сих пор.

Сегодня большинство стран зоны евро испытывают серьезные финансовые труд-

ности, а Германия предъявляет им все более жесткие требования. Берлин сменил роль локомотива европейского поезда, исправно тянувшего все вагоны к станции экономического процветания, на роль жесткого немецкого мастера, смотрящего с плохо скрываемым раздражением на нерадивых и живущих не по средствам работников. Совсем не трудно себе представить, что будет происходить в этой ситуации с европейской коллективной исторической памятью. Все негативные стереотипы, связанные с Германией, оживут с новой силой. Впрочем, это уже происходит. Я собственными глазами наблюдал 13 декабря 2011 года в Варшаве, вскоре после принятия под давлением Германии и Франции нового пакта о финансовой стабильности, довольно многочисленную демонстрацию под плакатом, на котором было написано «*Euro Macht Frei*». Для тех, кто не уловил аллюзию к надписи на воротах Аушвица, внизу было добавлено: *Konzentration Lager Europa*. Мой немецкий друг, которому я описал увиденное в имейле, ответил, что накануне *Frankfurter Allgemeine Zeitung* опубликовала статью о Британии (которая заблокировала принятие новых финансовых правил как общего документа ЕС), написанную в тоне, «характерном для антибританских статей в немецкой прессе накануне Первой мировой войны».

«Тоталитарный вопрос»

Кризис коммунистических режимов в 1980-е годы и их падение на рубеже 1980–1990-х с новой остротой вернули в общеевропейскую повестку дня вопрос о сравнении нацистского и советского тоталитаризма. В 1998 году во Франции вышла наделавшая много шума «Черная книга коммунизма», и с тех пор тема сравнительных подсчетов жертв нацизма и коммунизма интенсивно эксплуатируется с большей или меньшей политической тенденциозностью⁵. 2 апреля 2009 года Европейский парламент принял

резолуцию о европейской совести и тоталитаризме, 10 июня 2011-го Совет Европы принял Заключение о памяти о преступлениях, совершенных тоталитарными режимами в Европе. Вскоре министры иностранных дел стран ЕС приняли Варшавскую Декларацию по случаю Европейского дня памяти жертв тоталитарных режимов, который отмечается теперь 23 августа, в день заключения пакта Молотова–Риббентропа. Однако за кажущимся единодушием по этому вопросу скрываются серьезные проблемы.

Вопрос отношения к коммунизму имеет большое значение для внутривосточной повестки в ряде крупнейших стран Европы. В Германии решительное осуждение коммунистического тоталитаризма на немецкой земле было удобным дискурсом в процессе поглощения ГДР ФРГ, но сегодня становится очевидным, что в самих восточных землях объединенной Германии память о ГДР как «государстве Штази» уже не работает. Хуже того, эта политика привела к отчуждению значительной части «осси» от германской политической культуры. *Die Linke*, то есть наследующая коммунистам левая партия, получает все больше голосов даже в западных землях, и недалек тот день, когда рухнет соглашение традиционных партий о неприемлемости коалиции с новыми левыми на общегосударственном уровне. (На уровне отдельных земель это уже произошло.) С другой стороны, именно в восточных землях, где не было «проработки прошлого» в западногерманском варианте, а преступления нацизма рассматривались не как проблема общей ответственности немцев, но как вина «капиталистов», растет популярность неонацистских группировок. К тому же постановка знака равенства между двумя тоталитаризмами во многом реабилитирует ту позицию Нольте, против которой так ополчилось большинство немецкого общественного мнения во время «спора историков».

Во Франции «новые философы» замаливают грехи троцкистской юности, размахивая флагом антикоммунизма и антипутинизма, но вызывают неприкрытое раздражение и левых, и националистических правых. В Испании до сих пор боятся публичного обсуждения гражданской войны, где коммунисты были остановлены фашистами Франко.

Но в новых членах ЕС, особенно в Латвии и Эстонии, эта тема стоит еще острее. Дело в том, что многие борцы с советской оккупацией, имеющие в общественном мнении этих стран статус героев, сражались на стороне Гитлера и зачастую в рядах войск СС. Установка памятников солдатам СС или марши ветеранов СС в новых государствах Европейского союза подрывают сами основы прежнего консенсуса о прошлом. Евреи Восточной Европы были убиты не в газовых камерах концлагерей, но расстреляны во рвах, сожжены заживо в синагогах и простых сараях. Происходило это при активном участии местного населения, в том числе в таких странах ЕС, как Польша, Литва, Латвия, Эстония. И эти страны отнюдь не готовы принять прежний европейский консенсус в отношении Холокоста.

«Колониальный вопрос»

Тот факт, что многие страны ЕС (Британия, Франция, Германия, Италия, Испания, Португалия, Бельгия, Голландия) были колониальными империями и совершали типичные для империй преступления в своих заморских владениях, не был важной составляющей общеевропейской памяти. В музее Британской империи в Бристоле до сих пор посетителей провожает плакат, предлагающий оценить, сколько блага принесла империя жителям своих заморских владений. Во Франции в 2005 году был принят закон, одна из статей которого обязывала преподавателей рассказывать школьникам о «позитивной

роли французского присутствия на заморских территориях и, в частности, в Северной Африке».

В то же время многочисленные мигранты, как правило из прежних колоний, становятся все более заметной частью социального ландшафта в экономически благополучных странах ЕС. На фоне экономического роста Евросоюз исправно поглощал эту дешевую рабочую силу, довольно успешно вел борьбу с расизмом и проповедовал мультикультурализм. Однако уже в конце XX века ситуация стала обостряться. Антииммигрантские и антиисламские настроения часть коренного населения начала выражать у избирательных урн. В 2000 году, когда почти неприкрыто расистская Австрийская партия свободы Йорга Хайдера, добившись успеха на выборах, вошла в правительственную коалицию, это стало скандалом общеевропейского масштаба. Австрии был объявлен своеобразный бойкот внутри ЕС. Но сегодня «новые правые» с их антииммигрантской, антиисламской, иногда расистской идеологией и программой добиваются электорального успеха во многих странах Европы и даже входят в правительственные коалиции. Часть их идейного репертуара присваивают традиционные партии. Меркель, Камерон и другие политические лидеры открыто говорят об отказе от мультикультурализма. Когда в 2010-м член совета директоров бундесбанка и бывший министр финансов Берлина, видный социал-демократ Тило Сарацин опубликовал книгу «Германия аннулировала сама себя: Как мы рискуем будущим собственной страны»⁶, он вынужден был уйти в отставку со своего поста. Однако 200 тысяч проданных за неделю экземпляров резко антиисламской книги не оставляют сомнения — эти взгляды разделяет значительная часть немецкого общества. Система интеграции мигрантов не работает так, как того ожидали. Мигранты не хотят ассимилироваться и принимать

европейские нормы жизни. Пригороды крупнейших британских и французских городов становятся ареной схваток иммигрантской молодежи с полицией. «Спусковым крючком» для таких конфронтаций зачастую служит гибель молодого потомка иммигрантов, так или иначе связанного с криминалом, от рук полиции. Лондонские террористы, взорвавшие в июле 2005 года три бомбы в метро и одну в автобусе на Тэвисток-сквер, в результате чего погибли 52 человека, выросли в Лидсе. Частью проблемы интеграции иммигрантов, путь решения которой сегодня, кажется, никто не знает, является память о наследии империи. Коллективную память выходцев из колоний и их потомков, с одной стороны, и европейцев — с другой, разделяет пропасть. Франция до сих пор очень осторожна в признании своих преступлений в Алжире и до сих пор отказывается открыть многие архивы этого периода. Британия до недавнего времени вообще избегала обсуждения своих преступлений в Кении в 1950-е, где повстанцы и заподозренные в их поддержке подвергались массовым пыткам, вплоть до кастрации, в концентрационных лагерях. Многие документы об этих событиях были «утрачены» и лишь случайно обнаружены позднее на чердаке частного дома. Немцы только недавно узнали об истреблении гереро и намакуа в 1904–1907 годах в немецкой Юго-Западной Африке (Намибии), когда десятки тысяч африканцев были убиты или умерли от голода и жажды в пустыне, куда их согнали немецкие войска. Многие считают эти события первым геноцидом в XX веке. Список можно продолжать. Со своей стороны, иммигранты вовсе не готовы критически взглянуть на собственных героев борьбы с колониализмом. В этой сфере европейский консенсус в вопросах коллективной памяти просто не существует. Даже на уровне методологических подходов профессиональных историков проблемы вполне очевидны⁷.

«Национальный вопрос» и история ЕС

Если считать началом ЕС создание Европейского объединения угля и стали в 1951 году, то Евросоюзу исполнилось уже 60 лет. Иными словами, у ЕС уже есть своя история и даже история того, как менялось восприятие истории ЕС. До недавнего времени можно было уверенно говорить о трех главных чертах исторического образа ЕС. Во-первых, это была история успеха. Во-вторых, это была история объединения, основанного на демократических принципах и сумевшего обеспечить равноправие всех своих многочисленных членов. В-третьих, ЕС представал как организация, положившая в основу своего влияния и образа в мире «мягкую силу». Конечно, евроскептики были всегда, но они были в меньшинстве, и их аргументы казались продиктованными примитивным национальным эгоизмом.

Сегодня дело обстоит иначе. История успеха очевидно потускнела, судьба еврозоны внушает все большее опасение, провален проект общеевропейской конституции, президенты ведущих стран ЕС призывают пересмотреть принципы функционирования шенгенской зоны. Теперь главный предмет спора об истории ЕС — где именно что-то пошло не так. Образ ЕС как демократической структуры уступил место образу никем толком не избранной пухнувшей брюссельской бюрократии, ускользающей от демократического контроля граждан. (Именно такое видение ЕС и заставило благополучных голландцев еще до кризиса проголосовать на референдуме по конституции против дальнейшего делегирования суверенитета на наднациональный уровень.) Формальное равенство членов ЕС сегодня уже не может прикрыть жесткого диктата главных экономических держав Союза в отношении стоящих на грани банкротства «свинок» — *PIGS*. (Аббревиатура составлена из первых букв названий четырех самых

проблемных с точки зрения бюджетной дисциплины стран еврозоны: *Portugal, Italy, Greece, Spain.*) Казавшийся еще недавно достоянием прошлого дискурс, противопоставлявший ленивый и безответственный Юг Европы ее трудолюбивому и деловитому Северу, вновь превратился в журналистскую банальность. Экономический кризис резко усилил настроения национального эгоизма как среди бедных, так и среди благополучных. Впрочем, еще до кризиса внимательные исследователи отмечали сходство ЕС со средневековыми империями⁸. Приверженность «мягкой силе», служившая одним из главных внешнеполитических козырей ЕС, после интервенции Франции и Британии в Ливии уже не выглядит убедительно. Скорее недавние события напо-

нили о недалеком прошлом этих стран как великих колониальных держав.

Заключение

Плохо ли то, что прежний европейский консенсус в отношении коллективной исторической памяти разрушился? Отчасти да, если в трещины этого консенсуса лезет новое издание расизма и взаимных негативных стереотипов. Но никакой консенсус о прошлом не может жить вечно, потому что неизбежно основан на мифологизации и исторической редукции. Весь вопрос в том, к чему ведет такой кризис — к ревизии и выработке нового, более сложного консенсуса или к «войнам памяти» и манипуляциям историей в духе исторической политики. Как и всякий кризис, эта ситуация с открытым сценарием. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Любопытно, что предшественник Ширака, Валери Жискар д'Эстен, впоследствии автор непринятой конституции ЕС, был единственным президентом Франции, который последовательно избегал апелляции к истории (и к теме величия Франции, и к теме ее грехов).

² Анализ дискурса Центральной Европы см.: *Миллер А.* Тема Центральной Европы: История, современные дискурсы и место в них России. НЛО. 2001. № 6 (52). С. 75–96.

³ Если уж задаваться вопросом генеалогии концентрационного лагеря (не путать с лагерем уничтожения типа Собибора или Бжезинки!), то на европейской земле они впервые появились в годы Первой мировой войны в Австро-Венгрии, в Терезине и Таллергофе, куда были заключены тысячи заподозренных в симпатиях к России галицийских русинов. А впервые их применила демократическая империя Великобритании в ходе Англо-бурской войны в конце XIX века, так что можно сказать, что честь изобретения принадлежит образцовой западной демократии, а не тоталитарным режимам советского или нацистского образца. Это, впрочем, ничуть не оправдывает эти тоталитарные режимы, выступившие в роли учеников, заведомо превзошедших учителя.

⁴ Сразу после Второй мировой войны немцы подверглись изгнанию, а порой и истреблению, в целом ряде стран Европы, где в течение веков было значительное немецкое население. Общая численность изгнанных немцев оценивается, как минимум, в десять миллионов человек. Места наиболее масштабных изгнаний — западные регионы Польши, Судетская область в Чехословакии, Восточная Пруссия (современный Калининград).

⁵ См.: *Куртуа С.* и др. Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии. Пер. с французского. М.: Три века истории, 1999. Последняя заметная публикация на эту тему, намного более аккуратная и ответственная, хотя и получившая заслуженную порцию критики академических историков: *Snyder T.* Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. Basic Books, 2010.

⁶ *Sarrazin T.* Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. DVA, München, 2010.

⁷ Очевидно, что такие методологические подходы, как «постколониальные исследования» или «*subaltern studies*», даже в европейских университетах в основном реализуются выходцами из бывших колоний.

⁸ *Zielonka J.* Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union. Oxford Univ. Press, 2007.